

Орудия прорыва

«Красная звезда», 16 ноября 1945

Седьмого ноября, замыкая шествие артиллерии, прошли мимо мавзолея Ленина многотонные тяжелые орудия гвардейской бригады. Долгий и славный путь привел их сюда, в Москву, на Красную площадь.

Летом и осенью 1941 года не пришлось им обрушить на наглого врага свой смертоносный огонь. Только 8 января 1943 года орудия стали на огневые позиции против зажатой в железные тиски армии Паулюса. Нелегким было начало. Орудия стояли посреди голой степи, завывающей ледяной вьюгой. От осколков немецких мин некуда было укрыться. Но наступали минуты, которых артиллеристы ждали очень долго, и люди забыли о трудностях.

Когда стрелка часов стала против цифры 8, морозный рассвет окрасился красноватым заревом и воздух задрожал от грома тысяч орудий. И время от времени в оглушающем грохоте гулко ударяли тяжелые гаубицы прорыва.

Противник сейчас же начал артиллерийскую контрподготовку. Разрывы вражеских снарядов превратили в обрывки телефонные линии, и вся работа по обслуживанию стрельбы легла на две радиостанции. На одной из них, на наблюдательном пункте, работал радист Кондаков, на другой, у орудий, Стариченко. Непослушными от мороза пальцами много часов подряд выстукивали они на ключе команды для всех орудий. Два скромных радиста были первыми в части, удостоившимися правительственных наград. Так в героическом труде родился первый подвиг.

Сужалось кольцо окружения. Гаубицы массированными огневыми налетами расстраивали замыслы метавшегося в поисках выхода врага. Удары их разбрасывали, как спичечные коробки, танковые колонны на дорогах превращали в месиво из крови и снега скопившуюся пехоту. Батарея капитана Никифорова, четыре часа обстреливая на предельном заряде находившийся далеко за горизонтом аэродром, срывала всю работу немецких летчиков и не дала взлететь ни одной машине, пока наша пехота не ворвалась на аэродром...

Уцелевшие немцы забились в каменные дома на окраине Сталинграда. Когда по этим последним убежищам ударили гаубицы большой мощности, генерал, наблюдавший в бинокль за боем, тихо сказал: «Ну, кажется, кончено...» В этих боях часть стала гвардейской. На стволах появились первые значки разбитых целей, а на груди – первые ордена...

И гаубицы пошли снова вперед. Бригада участвовала в прорыве «Миусс-фронта», обороны на реке Молочной, а осенью вышла на подступы к Крыму. В сыром, холодном тумане, ползущем с Сиваша, вырос перед нею Турецкий вал. Из земли его глядели узкие злые амбразуры бетонных укреплений. Работа предстояла большая. И гаубицы с честью справились с ней.

Весной 1941 года гвардейцы вместе с пехотой вошли в Крым через проломанные ими же ворота.

Последний оплот немцев в Крыму – Севастополь. Здесь один из командиров батарей гвардии капитан Чуковский получил прозвище снайпера. Снаряды, направленные «снайпером», летели без промаха. Если по нормам требовалось на стрельбу 40 снарядов, он тратил всего 7-10. Но не только его искусством определялась такая меткость. Команды его выполняли люди расчета, возглавляемого гвардия старшим сержантом Гадецким. Они были заботливы с гаубицей, как мать с ребенком, и механизмы ее работали, как хорошие часы.

Другие орудия поработали под Севастополем не менее славно. Когда наша пехота овладела железобетонными гнездами Сапун-горы и Сахарной головки, разбитыми снарядами гаубиц, и немцы, вытесненные с этих гор, скопились в седловине между ними, комбриг направил в эту седловину стволы всех орудий. Через 20 минут после залпа наша пехота вышла к окраинам города. К наименованию части прибавилось имя «Севастопольская».

Дальше путь лежал через леса Белоруссии. Под Оршу гаубицы прибыли за три дня до начала летнего наступления. Двое суток не смыкали глаз артиллеристы, настилая по болоту гати из бревен для своих гаубиц.

Победный 1945 год гаубицы встретили на огневых позициях перед последним рубежом нашего великого наступления у города Пилькален. В январе начался последний штурм. Вся земля Восточной Пруссии представляла собой непрерывную систему каменных укреплений, огрызающихся огнем. Каждый хутор, каждый дом пехоте приходилось брать с невероятным трудом. И тут на помощь ей пришли гаубицы большей мощности.

Пехота, прогрызая толщу восточно-прусской обороны, день и ночь продвигалась вперед. Не было отдыха и артиллеристам. Пока один дивизион вел огонь, разрушая дзоты на пути наши передовых частей, второй дивизион снимался с огневых позиций, третий нагонял пехоту, а четвертый уже устанавливал свои орудия в непосредственной близости переднего края. Ни на минуту, таким образом, не оставляли артиллеристы без поддержки пехоту, и она уверенно двигалась вслед за уничтожающим ураганом разрывов.

Так две недели, забыв про сон и отдых, работали у орудий люди, пока не выросли перед ними колоссальные вековые форты Кенигсберга. Но и эти форты с громкими названиями «Фридрих 1-й», «Королева Шарлотта» и стенами в несколько метров толщиной не выдержали ударов гаубиц...

Война кончилась. Люди делали все, чтобы приблизить долгожданный мир. Не успев как следует выспаться, они тронулись на Пиллау. Остатки всей восточно-прусской группировки, согнанные на узкой косе, огрызались бешено, как огрызается загнанный зверь. Коса дрожала от канонады, как при землетрясении. Но артиллеристы работали у орудий спокойно, посылая снаряд за снарядом в гущу тающих с каждой минутой немецких войск. Путь пехоте преградили два «Фердинанда», закопанные в землю. Их двухсотмиллиметровую броню не в силах были пробить орудия, двигавшиеся с пехотой. Гвардии капитан Кульга вылез с биноклем и рацией вперед и снарядами своей гаубицы № 115 выковырял из земли оба стальных чудовища. Генерал, руководивший операцией, здесь же на поле боя вручил ему орден Красного Знамени и приказал наградить весь расчет.

На подступах к порту Пиллау бои достигли самого высокого напряжения. Огонь вели уже не орудия, не батареи, а целиком дивизионы и бригады.

И Пиллау, разнесенный вдребезги снарядами советских артиллеристов, пал. На знамени бригады засверкала звезда ордена Суворова.

Так окончилась для гвардейской бригады гаубиц большой мощности Великая Отечественная война.

**Гвардии младший лейтенант
Э. Ильенков**